

Н. В. Латотина

УО МГПУ им. И. П. Шамякина (г. Мозырь)

ЖАНРОВАЯ ПРИРОДА ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «ТАРАС БУЛЬБА»

Работе Гоголя над «Тарасом Бульбой» предшествовало тщательное, глубокое изучение исторических источников. Среди них следует назвать «Описание Украины» Боплана, «Историю о казаках запорожских» Мышецкого, рукописные списки украинских летописей – Самовидца, Величко, Грабянки и т. д. [5, с. 182].

Но эти источники не вполне удовлетворяли Гоголя. В них ему не хватало характерных бытовых деталей, живых примет времени, истинного понимания минувшей эпохи. Специальные исторические исследования и летописи казались писателю слишком сухими, вялыми и в сущности мало помогающими художнику постигнуть дух народной жизни, характеры, психологию людей.

Среди источников, которые помогли Гоголю в работе над «Тарасом Бульбой», особенную роль играют народные украинские песни, особенно исторические песни и думы.

Гоголь считал украинскую народную песню драгоценным кладом для историка и поэта, желающих «выпытать дух минувшего века» [4, с. 53] и постигнуть «историю народа» [3, с. 19]. Из летописных и научных источников Гоголь черпал исторические сведения, необходимые ему фактические подробности, касающиеся конкретных событий. Думы и песни помогали писателю понять душу народа, его национальный характер, живые приметы его быта. Он извлекает из фольклорной песни сюжетные мотивы, порой даже целые эпизоды. Например, драматическая повесть о Мосии Шиле, попавшем в плен к туркам и затем обманувшем их и вызволившем из вражеского плена всех своих товарищей, навеяна Гоголю известной украинской думой о Самойле Кишке. Образ Андрия создан под несомненным влиянием украинских дум об отступнике Тетеренке и изменнике Савве Чалом.

Гоголь многое берет в народной поэзии, но берет как писатель, чуткий и восприимчивый к ее художественному строю, со своим отношением к действительности, к материалу. Поэтика народной песни оказала огромное влияние на всю художественно-изобразительную систему «Тараса Бульбы», на язык повести.

Яркий живописный эпитет, красочное сравнение, характерный ритмический повтор – все эти приемы усиливали песенное звучание стиля повести. «Не достойна ли я вечных жалоб? Не несчастна ли мать, родившая меня на свет? Не горькая ли доля пришла на часть мне? Не лютый ли ты палач мой, моя свирепая судьба?» [2, с. 32]. Или: «Кудри, кудри он видел, длинные, длинные кудри, и подобную речному лебедю грудь, и снежную шею, и плечи, и все, что создано для безумных поцелуев» [2, с. 47]. Необыкновенно эмоциональная, лирическая окраска фразы, равно как и все другие ее художественные приметы, создает ощущение органической близости манеры гоголевского повествования к стилю народной песни.

В повести чувствуется влияние былинно-песенного приема распространенных сравнений: «Оглянулся Андрий: перед ним Тарас! Затрясся он всем телом и вдруг стал бледен. Так школьник, неосторожно задравши своего товарища и получивши за то от него удар линейкою по лбу, вспыхивает, как огонь, бешеный вскакивает из лавки и гонится за испуганным товарищем своим, готовый разорвать его на части, и вдруг наталкивается на входящего в класс учителя: вмиг притихает бешеный порыв и падает бессильная ярость. Подобно ему в один миг пропал, как бы не бывал вовсе, гнев Андрия. И видел он перед собою одного только страшного отца» [2, с. 78].

Сравнение становится столь обширным, что вырастает словно в самостоятельную картину, которая на самом деле несколько не является самодовлеющей, а помогает конкретнее, полнее, глубже раскрыть характер человека или его душевное состояние.

Характерные черты гоголевского мастерства замечательно выражены и в пейзажной живописи. Гоголь был великим живописцем природы. Его пейзаж всегда очень лиричен, проникнут сильным чувством, и отличается богатством красок, картинностью. Достаточно вспомнить, например, давно вошедшее в хрестоматию описание украинской степи.

Природа помогает читателю полнее и резче оттенить внутренний психологический мир героев повести. Когда Андрий и Остап, распрощавшись с опечаленной матерью, вместе с Тарасом покидают родной хутор, Гоголь, вместо пространного описания гнетущего настроения путников, ограничивается одной фразой: «День был серый; зелень сверкала ярко; птицы щебетали как-то вразлад» [2, с. 26]. В ней

мгновенно раскрывается душевное состояние персонажей. Люди расстроены, они не могут сосредоточиться, и все окружающее кажется им лишенным единства и гармонии. И тогда даже птицы щебечут «как-то вразлад» [2, с. 26]. Природа живет у Гоголя напряженной и многогранной жизнью – почти такую же, как и его герои.

Еще одним важным элементом стиля «Тараса Бульбы» является своеобразный гоголевский юмор. Вся повесть искрится лукавым, тонким юмором. Стоит здесь упомянуть хотя бы знаменитую встречу Тараса с сыновьями или того безымянного запорожца, который, «как лев, растянулся на дороге» [2, с. 34] в своих шароварах из алого дорогого сукна, запачканных дегтем, «для показания полного к ним презрения» [2, с. 35].

Историческая повесть «Тарас Бульба» на поверхностный взгляд не кажется достаточно органичной в «Миргороде». Отличается она от других вещей этой книги и содержанием своим, и стилем. На самом же деле «Тарас Бульба» представляет собой очень важную часть «Миргорода». Более того, включение этой повести в сборник было необходимым. Она позволяла с какой-то еще одной, существенной стороны взглянуть на героев других повестей той же книги.

Издавна принято называть «Тараса Бульбу» повестью. В словаре литературоведческих терминов С. П. Белокурова отмечено: «Повесть – это средний (между рассказом и романом) эпический жанр, в котором представлен ряд эпизодов из жизни героя (героев). По объему П. больше рассказа и шире изображает действительность, рисуя цепь эпизодов, составляющих определенный период жизни главного персонажа, в ней больше событий и действующих лиц, однако, в отличие от романа, как правило, одна сюжетная линия» [1, с. 213]. По многим объективным жанровым признакам «Тарас Бульба» есть историческая повесть. Однако широта эпического охвата действительности и основательность в изображении народной жизни, многоплановость композиционного строения – все это позволяет видеть в гоголевской повести произведение, близкое к жанру исторического романа.

В русской литературной традиции сложилось определенное отношение к этому жанру. А. С. Пушкин полагал, что писатель обязан объективно, без каких бы то ни было предрассудков понять прошлое, «его дело воскресить минувший век во всей его истине» [7, с. 349]. Хотя Пушкин говорил здесь о жанре трагедии, но поставленная им задача была еще более злободневной для исторического романа.

Своим «Арапом Петра Великого», а затем и «Капитанской дочкой» Пушкин положил начало новому историческому роману в России – социальному по своему содержанию и реалистическому по своему методу.

В это русло включается и «Тарас Бульба». Исторический роман нового типа, формировавшийся в 30-х годах XIX века в России, существенно отличался от романа Вальтера Скотта.

Автор «Тараса Бульбы» воспринял сильную сторону декабристской традиции, придав исторической теме яркую гражданскую направленность. Но он был свободен от свойственных писателям-декабристам схематизма и дидактики в истолковании исторического прошлого, а также характерного для их произведений одностороннего изображения оторванного от народной жизни героя. С необыкновенной широтой и эпическим размахом раскрывается в «Тарасе Бульбе» народное освободительное движение.

Свободно распоряжаясь историческим материалом, не воспроизводя ни одного конкретного исторического события, почти ни одного реального деятеля, Гоголь вместе с тем создал произведение искусства, в котором с гениальной художественной мощью раскрыл доподлинную историю народа.

Нет нужды искать конкретный исторический прототип Тараса Бульбы, как это делали некоторые исследователи. Как нет оснований предполагать, что сюжет повести запечатлел какой-то определенный исторический эпизод. Гоголь даже не заботился о точной хронологии изображаемых событий. В одних случаях кажется, что события отнесены к XV веку, в других – к XVI, а то и к началу XVII века. В действительности писатель имел в виду нарисовать такую картину, в которой отразились бы наиболее типические, коренные черты всей национально-героической эпопеи украинского народа.

В изображении Сечи и ее героев Гоголь сочетает историческую конкретность, характерную для писателя-реалиста, и высокий лирический пафос, свойственный поэту-романтику. Органическое слияние различных художественных красок создает поэтическое своеобразие и обаяние «Тараса Бульбы».

Белинский, первый среди современных Гоголю критиков угадавший своеобразие этой повести, писал, что она представляет собой не что иное, как «отрывок, эпизод из великой эпопеи жизни целого народа» [6, с. 167]. Здесь – объяснение жанровой оригинальности созданного Гоголем творения. Белинский называл это произведение повестью-эпопеей, народногероической эпопеей. «Если в наше время возможна гомерическая эпопея, то вот вам ее высочайший образец, идеал и прототип!» [6, с. 169].

Таким образом, в гоголевской повести вырисовывается перед нами вся жизнь казачества – его частный и общественный быт, его жизнь в мирное и военное время, его административный уклад и повседневные обычаи. Поразительная емкость «Тараса Бульбы», композиционный размах и глубина его содержания – вот что существенно раздвигает жанровые

границы этой уникальной повести-эпопеи и делает ее одним из замечательных событий в истории русского исторического романа.

Литература

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. – 320 с.
2. Гоголь, Н. В. Тарас Бульба / Н. В. Гоголь. – М.: Художественная литература, 1964. – 152 с.
3. Есин, А. Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: учеб. пособие / А. Б. Есин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 7-е изд., испр. – 248 с.
4. Зверс, Т. В. Повесть Н. В. Гоголя «Тарас Бульба» в школьном изучении: пособие для учителя / Т. В. Зверс. – Л.: Просвещение, 1980. – 104 с.
5. Кременцов, Л. П. Н. В. Гоголь (1809–1852): Жизненный и творческий путь писателя / Л. П. Кременцов // Русская литература XIX века. – 2-е изд., испр. – М.: Флинта, 2006. – 286 с.
6. Маслова, В. А. Филологический анализ художественного текста: учеб. пособие для студ. филолог. спец. вузов / В. А. Маслова. – Минск: Універсітэцкае, 2000. – 398 с.
7. Русская литература: XIX век: От Крылова до Чехова: учеб. пособие / Е. И. Анненкова, С. О. Шведова, Л. Е. Ляпина [и др.]; сост. Н. Г. Михновец. – СПб.: Паритет, 2001. – 416 с.